

РОМАН

ГОЛОВОЛОМКА

Роберт Джексон Беннет

НЕЗДЕШНИЕ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Б46

Серия «Роман-головоломка»
Robert Jackson Bennett
AMERICAN ELSEWHERE

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA. и литературного агентства Andrew Nurnberg. All rights reserved.

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
В оформлении обложки использована
иллюстрация *Валерия Петелина*
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Б46 **Беннетт, Роберт Джексон**

Нездешние / Роберт Джексон Беннетт.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 732, [2] с.— (Роман-головоломка).

ISBN 978-5-17-107856-0

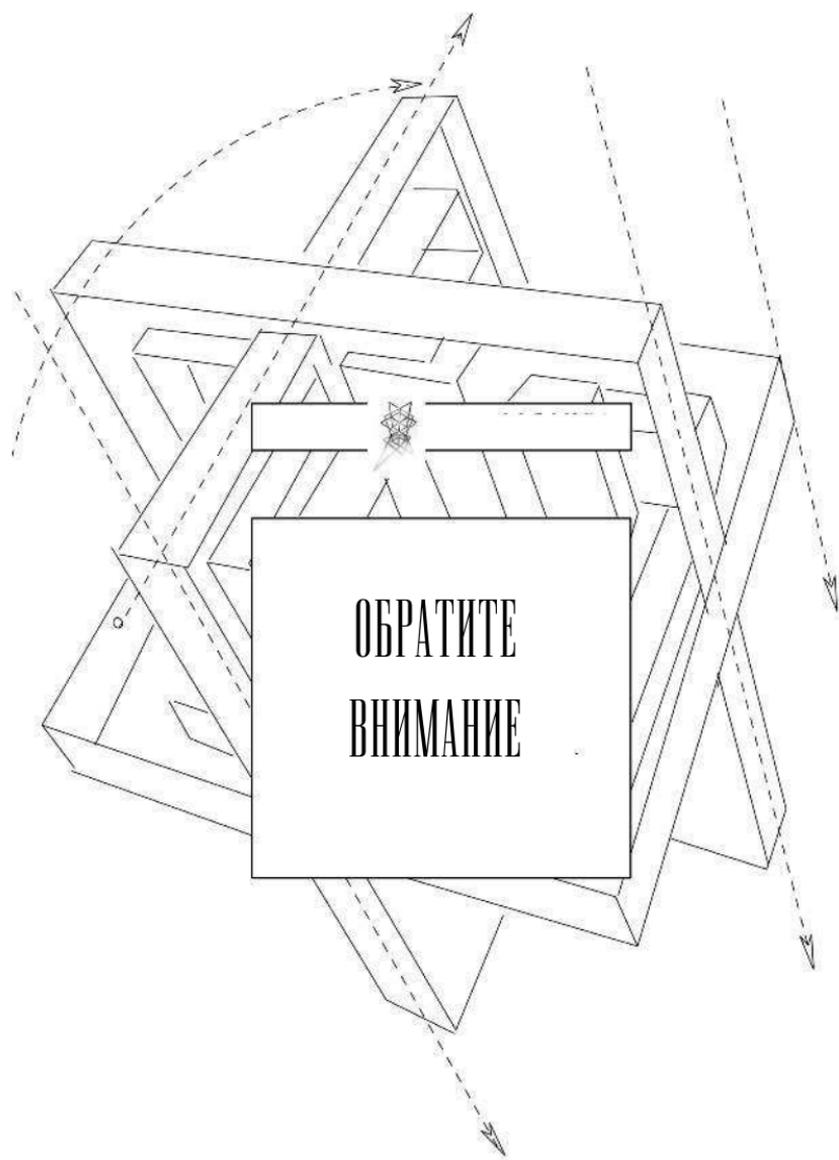
Бывшая полицейская Мона Брайт наследует дом своей матери в странном городе под названием Уинк, построенном вокруг давно закрытой физической лаборатории, все исследования которой были глубоко засекречены. Мона всю жизнь считала мать сумасшедшей, но, по крупицам собирая информацию о семье, она постепенно осознает, что ее воспоминания о детстве мало совпадают с действительностью. И чем больше проникает в тайны прошлого, тем сильнее понимает: этот город отличается от всего, что Мона когда-либо видела на этом свете. Здесь под всегда розовой луной посреди пустыни раскинулся настоящий оазис, по телевизору идут только передачи 1950-х годов, на главной площади стоит памятник молнии, а люди одержимы нормальностью... Вот только в каждом образцовом доме скрывается тайна, а сама реальность в Уинке оборачивается подлинным кошмаром, масштаб которого сложно даже представить.

Copyright © 2013 by Robert Jackson Bennett
© Галина Соловьева, 2018, перевод
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Люди вечно забывают, что счастье — это расположение духа, а не обстоятельство.

Джон Локк

ОБРАТИТЕ
ВНИМАНИЕ

Глава 1

Норрис весь в поту, несмотря на ночную прохладу. Пот проступает на висках и на голове, стекает по щекам, копится над ключицами. Струйки ползут по плечам, впитываются в ткань рубашки на локтях и запястьях. Вся машина пропахла соленым, как спортивная раздевалка.

Норрис сидит на водительском месте, не глушит мотор и уже двадцать минут спорит сам с собой — правильно ли не выключил. Мысленно он составил несколько табличек с «за» и «против», после чего в целом решил, что так лучше: шансов, что кто-нибудь услышит шум машины, застоявшейся на дорожке в этом районе, проверит и заметит что-то подозрительное, довольно мало, а вот когда понадобится срочно завести машину, он легко может запутаться с зажиганием или рычагами, это без вопросов. Он уверен, что неизбежно напортачит, даже руки с руля не убирает. Так вцепился в баранку потными ладонями, что сомневается, сумеет ли их оторвать. «Прилип,— думает он.— Я застрял навсегда, и уже не важно, кто там что заметит».

Он сам не знает, почему так боится чужого внимания. Соседние дома необитаемы. Об этом не говорят вслух,

Роберт Джексон Беннетт. Нездешние

но квартал закрыт для публики. На всю улицу один-единственный жилец.

Норрис, подавшись вперед, рассматривает дом. Припарковался он прямо перед дорожкой к парадному крыльцу. Позади машины — узкая опрятная гравийная дорожка, ответвившаяся от асфальтированной улицы и изгибами сбегающая по склону к солидному гаражу. Сам дом очень-очень велик, но его размер основательно скрадывают серебристые ели: взгляд улавливает лишь намек на девственно белые деревянные панели, разросшуюся лантану¹, непроницаемые шторы на окнах и чистые стены красного кирпича. А в конце дорожки видна скромная, гостеприимная передняя дверь под слоем яркой красной краски, с веселой бронзовой ручкой.

Право, безупречный дом — дом мечты. Дом мечты не только в том смысле, что каждый мечтал бы в таком жить; этот дом так совершенен, как бывает только в мечтах.

Норрис смотрит на часы. Прошло четыре минуты. Ветер задевает хвою, шорох тысяч иголок отзывается в нем дрожью. В остальном все тихо. Впрочем, у таких вот домов всегда тихо, а гулять по ночам в Винке всегда неблагоразумно. Это каждый знает. Здесь всякое случается.

Норрис выпрямляется на сиденье: в гараже шум. Голоса. Он еще крепче стискивает баранку.

Две темные фигуры в лыжных масках появляются из гаража, тащат что-то громоздкое. Норрис с отчаянием следит, как они подходят к машине. Когда они оказываются рядом, он опускает окно со стороны пассажира, шепчет:

- Что случилось? Где Митчелл?
- Заткнись,— бросает один.

---

¹ Многолетний кустарник. — *Здесь и далее прим. ред.*

— Где он? Вы что, оставили его там?

— Не мог бы ты заткнуться и открыть багажник?

Норрис готов повиноваться, но отвлекается, разглядев, что они принесли. Кажется, это невысокий мужчина в синем свитере и брюках хаки, но руки и ноги у него туго связаны, а на лицо натянут джутовый мешок. Это не мешает связанному очень-очень быстро говорить, чуть ли не напевая:

— ...Успеха *не будет*, не может быть, надежда такая пустая, что лично я *представить* себе не могу, понимаете, не могу представить. У вас ни власти, ни привилегий, а без них это только песок за шиворотом, только тростник, качающийся в бурной воде...

— Открывай уже багажник, черт!..— прикрикивает один из двоих.

Норрис, спохватившись, сдвигает рычажок. Крышка отскакивает, и двое волокут человека без лица дальше, запихивают внутрь и захлопывают багажник. Рысцой обегают машину и запрыгивают на заднее сиденье.

— Где Митчелл? — повторяет Норрис.— Что с ним?

— Веди на хрен! — выкрикивает один.

Норрис еще раз смотрит на дом. Теперь во всех окнах видно движение — не темные ли фигуры расхаживают взад-вперед? Или бледные лица маячат за стеклами? И лампочки перед крыльцом горят — а секунду назад, честное слово, было темно. Норрис отрывает взгляд, включает первую и рвет машину вперед.

Они проносятся по дорожкам и выкатывают на главную. Двое стягивают лыжные маски. Циммерман старше, он лыс, в бородке седина, щеки надулись, предвещая обвисшие брыли. Он из них троих самый опытный в подобных делах, и потому особенно страшно видеть, как он перепуган. Второй, Ди,— атлетичный молодчик с

Роберт Джексон Беннетт. Нездешние

идеальным пробором в светлых волосах, какие увидишь только на агитплакатах бойскаутов. Ди то ли не понимает, что происходит, то ли так обалдел, что у него рот не закрывается.

— Иисусе,— произносит Циммерман.— Господи. Твою же мать.

— Что там было? — снова спрашивает Норрис.— Где Митчелл? Он в порядке?

— Нет. Ничего он не в порядке.

— Ну так что случилось?

После долгого молчания Ди роняет:

— Он упал.

— Что он? Упал? Куда упал?

Двое снова молчат. Теперь заговаривает Циммерман:

— Там была комната. И... как будто все двигалось.

А Митчелл в нее упал.

— Упал,— подхватывает Ди,— и все падал, падал... без конца.

— Как это понимать? — спрашивает Норрис.

— Думаешь, мы сами там что-то поняли? — огрызается Циммерман.

Норрис, опешив, смотрит теперь только на дорогу. Он ведет машину на север, к нависающей над городом темной столовой горе. Сзади, из багажника, слышатся то стуки, то крики. Все делают вид, будто не слышат.

— Он нас ждал,— говорит Ди.

— Заткнись,— приказывает Циммерман.

— Потому и приготовил нам ту комнату,— упорствует Ди.— Он знал. Болан говорил, мы застанем его вра-сплох. Откуда он узнал?

— Заткнись!

— С чего бы это? — спрашивает Ди.

— А с того, что эта тварь в багажнике наверняка нас слышит.

— И что?

— А если что пойдет не так? Если он улизнет? Одно имя ты ему уже назвал. Что еще хочешь сообщить?

Тяжелое молчание. Норрис спрашивает:

— Музыку послушаем?

— Хорошая мысль,— соглашается Циммерман.

Норрис нажимает кнопку. Из вынесенных колонок раздается мурлыканье Бадди Холли: «Настанет день»,— и все молча слушают.

Машина взбирается по горной дороге, оставляя город позади. Сеть уличных фонарей сжимается, становится похожей на растянутую у подножия горы паутину в капельках утренней росы. Город устроился в основании темного веера растительности, питаемой сбегаящими со склона ручьями, пронизывающими городскую центр. На много миль от столовой горы ручейки — единственный надежный источник влаги, редкость в этой части Нью-Мексико.

В темноте над дорогой качается щит, отмечающий границу города. Краска подсвечена рядом лампочек вдоль основания, так что плакат слабо мерцает в темноте. На нем, сидя на плече для пикника, улыбаются мужчина и женщина. Типичная здоровая семья — у него квадратная челюсть и морщинки у глаз, у нее изящная бледность и губы-вишенки. Они любуются волшебным видом закатных гор, и над вершиной одной из них бронзовой краской выписана совсем маленькая антенна — ясно, что вблизи она оказалась бы много больше. Закатные облака будто свиваются вокруг антенны, а за антенной и облаками еще что-то, видимое, должно быть, нарисованным людям, но две правые панели плаката оторваны, так что на месте вдохновляющего зрелища — грубые доски щита. Впрочем, какие-то вандалы пытались восполнить карти-

ну с помощью мела, хотя трудно понять, что они хотели изобразить: то ли силуэт, стоящий на горах, то ли на месте гор — гигантскую, титаническую, фигуру, заслонившую все небо. В общих чертах фигура эта человеческая, но что-то с ней не так: слишком сутулая спина, слишком неопределенных очертаний руки, но это, может быть, художник не справился с задачей.

По нижнему краю щита белые буквы надписи:

«ВЫ ПОКИДАЕТЕ ВИНК, НО ЗАЧЕМ?»

«Действительно, зачем?» — думает Норрис. И мечтает оказаться где-нибудь подальше.

Воздух на высоте обычно разрежен. От этого ночное небо кажется очень синим, а звезды — чрезвычайно близкими. Норрису они сегодня представляются ближе обыкновенного, и плоская вершина тоже выглядит непривычно высокой. Наверху дорога разворачивается и серебряной ленточкой свешивается вниз. Над другими, далекими вершинами пляшут голубые молнии. Норрис неуютно ерзает. Ему чудится, что с удалением от города, от жесткой сетки улиц и желтых фосфорных фонарей мир становится все менее реальным.

В колонках шум помех, «Настанет день» теряется в них, музыка глохнет, и тоненький голос твердит как сумасшедший:

— Все напрасно, напрасно. Вы тычетесь в границы, которые вам почти не видны, возитесь с влияниями, к которым слепы. Перестаньте, отпустите меня, и я вас прощу. Все прощу, и будет словно ничего не случилось, не случилось.

— Боже сраный! — выговаривает Циммерман.— Этот хрен пролез в радио!

— Выключи! — вскрикивает Ди.

Норрис хлопает по кнопке, скороговорка обрывается. Дальше едут в тишине.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ

— Господи,— заговаривает Ди.— Тебе уже приходилось что-нибудь подобное делать?

— Я и не знал, что такое возможно,— отвечает ему Норрис.

— Вот только головы терять не надо,— советует Циммерман.— Пока мы справляемся. Если получится, обо всех нас позаботятся.

— Кроме Митчелла,— вставляет Ди.

— Со всеми все будет в порядке,— строго произносит Циммерман.

— А почему вообще мы этим занимаемся? — спрашивает Ди.— Это не наша забота. Пусть уб...— Он выбирает другое слово: — Пусть босс сам этим занимается.

— Нас это тоже касается,— возражает Циммерман.

— Чем?

— Вот если бы он отказал? Если бы сказал им: нет, не собирается он этим заниматься.

— Тогда бы на сковородке оказался он, а не мы,— говорит Норрис.

— А по-твоему, они не знают, кто на него работает? Не позаботились бы, чтобы и нас это коснулось? И не кажется ли тебе, что мы все немножко слишком много знаем?

После минутного молчания Ди угрюмо бурчит:

— Я ничего такого не знаю.

— Они бы не стали рисковать. Мы все в деле. Они приказывают боссу, а он нам. И мы делаем, что сказано. Даже если...— он выглядывает в окно, смотрит в темноту внизу,— несем потери.

— Откуда нам знать, что сработает? — спрашивает Норрис.

Циммерман запускает руку под сиденье, достает деревянный ящичек. Тот плотно обмотан вдоль и поперек слоями клейкой ленты и обвязан крепкой бечевкой.